

ГОСПИТАЛЬ В СОКОЛЬНИКАХ

Пруды, как грустные глаза,
Какими парк взирает в небо,
В них неба синь и бирюза,
Нет ни отчаянья, ни гнева.
Хотя для редких сильных чувств
Есть основания и причины,
Здесь каждый дуб и каждый куст
Антиковидной штурмовщины
Свидетели. Стоит барак
Из самых современных в парке,
Там концентрированный мрак,
Там пульмонологи, как парки,
Судеб слепых сплетают нить,
И награждают ивезлом,
Здесь срочно, быть или не быть,
Решают Гиппократы в белом.

* * *

Опустился вечер подмосковный,
Пар встает с невидимой реки,
Ударяет колокол церковный,
Мир внимает, что же ты – реки!

Вынянчил и выпестовал слово,
Есть момент, его произнеси,
Слово корень жизни и основа,
Издавна так было на Руси!

Михаил Михайлович ПОПОВ, российский прозаик, поэт, публицист, критик и киносценарист. Родился в 1957 году в Харькове. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал в журналах «Литературная учеба», «Московский Вестник» и др. Автор более двадцати прозаических книг. Автор сценариев к двум художественным фильмам. Лауреат литературных премий.

Живет в Москве.

Ведь не только люди и их дети,
Всякий дол, и даже всякий куст,
Все, что есть живущего на свете,
Предвкусительных налилось чувств.

Но недолго. И пришел в расстройство
Механизм единства всех и вся,
Поэтическое ты утратил свойство,
Ерунду какую-то неся!

* * *

Летают пчелы полупьяные –
На солнце забродил нектар,
И обмороки постоянные
У тех, кто хвор и веком стар.

Воистину идет глобальное
К нам потепленье. Жар и мор.
Укройся хоть в именье дальнее,
Хоть за уступы гордых гор.

Конец приходит роду-племени,
Живем последний день и век,
И сгинем в жаркой вечной темени,
Все парниковый наш эффект.

Все сгинем, глупые и смелые,
Нет смысла в подвиге, в труде,
Ревем мы, как медведи белые,
Где наша Арктика? Нигде!

* * *

Я надоел всем со своей жарой,
Представьте, как она мне надоела.
Ладонью, Господи, меня накрой,
Оставлю ныть и вновь возьмусь за дело.

В чем мое дело? В том, чтоб подмечать,
Где Божий замысел нарушен человеком,
И тут же о подмеченном кричать,
Дерзить вождям и подавать калекам.

Стоять, когда команда всем – лежать!
Лежать, когда все выступают строем.
Ну, в общем, понемногу продолжать
Все то, с чем мы наш новый мир построим.

Мир, где не будет хамов и козлов,
Где невозможен хворый и голодный,
А солнце перестанет нам назло
Светить с утра, и дождь пройдет холодный.

* * *

Ответь, Создатель, человеку
На исключительный вопрос –
Равно еврею или греку –
Зачем все это началось?

Зачем из тины мокрой, грязной
На сушу выполз трилобит,
И начал путь однообразный
И тут же не был он убит.

Дал жизнь собранию рептилий
И динозавров вывел тьму,
Такое множество усилий
Зачем, я толком не пойму.

Чтоб после саблезубый тигр
Бизона мощного задрал,
Из нудных обезьяньих игр
Явился вдруг неандертал.

И дал дорогу кроманьонцу,
А тот из черепа отца
Напился и молился солнцу,
Так продолжалось без конца.

Убийства, голод и болезни,
Зачем? Ну, Господи, ответь!
Поем разнuzданные песни,
Приготовляясь умереть.

Есть у истории загадка?
А если и загадки нет?
А все бессмысленно и гладко,
И мы напрасно ждем ответ.

* * *

Сквозь шумы стройки и судьбы,
Доносится мотив наивный,
Мне с ним побыть хотелось бы,
Пусть он вполне бесперспективный.

В нем нет напора и красот,
Не дышит будущее в нотах,
Но что-то он в себе несет,
Какой-то небывалый отдых.

Да, мы, наверно, отдохнем,
На время выпав из природы,
Но бледным неземным огнем
На территории свободы

Продолжим свой укромный путь,
Во тьме не перестав светиться.
Да, мы уходим отдохнуть
Затем, чтоб снова возродиться.

* * *

Ливень заготовливали долго,
Всю неделю духота и зной,
Рухнул так, как будто с неба Волга
Вдруг к земле с небес сошла стеной.

Мир исчезнул, как Ерушалаим,
Римский крест возник, в дожде змеясь,
Над каким-то каменным сараем
Буквы запылали смутно – «Связь»!

Из сырой тысячелетней тени,
Из неясных зренью перспектив...
Мне бы сразу рухнуть на колени,
Связь времен внезапно ощутив.

Под дождем стоят центурионы,
Ветер хлещет страшно по кресту,
С ужасом взирают миллионы,
Как копьё вонзают в плоть Христу.

Это длится миг или чуть дольше,
Столько же примерно, сколько дрожь.
Вдруг погасла надпись в мокрой толще.
Стало ясно – это просто дождь.

* * *

Как пережить мне эту осень,
Она страшна, почти как смерть,
Деревья, кроны грохнув оземь,
В глаза не в силах ей смотреть.

Уж льдом затягивает лужи,
А дождь затянет синь небес,
А мне, как правило, чуть лучше,
Когда я погружаюсь в лес.

В разнородеревье этом влажном
Еще витает дух грибной,
И соснам, этим хвойным башням,
Вольно смеяться надо мной.

Я заблужусь в сосновом храме,
Где каждый ствол почти алтарь,
Здесь свой порядок, свой регламент,
Смолы намоленный янтарь.

Есть в нас растительное нечто,
Моя прогулка – просто грех,
А неподвижность, она вечна,
А вечность принимает всех.

* * *

Верешь ли ты в то, что дух
Легче, чем древесный пух,
Воспарит над бранным телом
И отправится в полет
Сквозь оконный переплет
Вдаль к неведомым пределам.

А предел тот недалек,
Но возможен недолет,
И тогда пушинка духа
Возвратится снова в грудь,
Там она то верть, то круть,
Обрастает болью глухо.

Начинает, как кинжал,
Резать, чтобы я дрожал
От мучительного форта,
Жжет огнем мое нутро,
Мне напоминая про
Непреложный факт инфаркта.

* * *

Никуда от осени не скрыться,
В чистом поле, в доме у камина
Зябко мне, а что в душе творится,
Хороша одна лишь только мина.

Для чего-то я ее таскаю,
Будто бы все здорово и справно,
Чтоб никто не знал, тоска какая,
Осень в мире, а в душе подавно.

Все переживу, твержу себе я,
Что же мне теперь уж остается,
Вдруг надежды маленькая фея
Да на mine этой подорвется.

